

Смена общественно-экономической формации?

Несколько слов о рентном обществе
и перспективах посткапитализма

© Давыдов Д. А.

© Davydov D.

**Смена общественно-экономической формации?
Несколько слов о рентном обществе и перспективах посткапитализма**

**Change of social and economical formation?
Apropos of rental society and post-capitalism perspectives**

Аннотация. Автор дополняет концепцию формирующегося рентного общества, согласно которой современный капитализм переживает системный кризис, перерождение в общество, основывающееся на массовом распределении ренты. Рентное общество рассматривается как возможная переходная стадия на пути к посткапитализму.

Annotation. The author complements the concept of becoming rental society. The central thesis of this article is that modern capitalism transforms into society based on mass distribution of different forms of rent. At the same time rental society is considered by the author as a possible transitional stage on the road to post-capitalism.

Ключевые слова. Капитализм, коммунизм, марксизм, посткапитализм, рентное общество, безусловный доход.

Key words. Capitalism, communism, Marxism, post-capitalism, rental society, basic income.

Перед глобальным обществом сегодня стоит огромное количество проблем: неравенство в общемировом масштабе, терроризм, изменение климата, стихийные бедствия и эпидемии и еще ряд рисков, связанных с неопределенностью перспектив научно-технического прогресса. На фоне этого формационный подход с его относительным оптимизмом и ставкой на линейность исторического развития несколько блекнет. Идея «конца истории», выраженная в начале 1990-х гг. Ф. Фукуямой, давно уже кажется наивной на фоне все более очевидной возможности *реального* конца истории как конца человеческой цивилизации.

Тем не менее стоит отметить, что нередко за хаосом сопутствующих проблем может скрываться единая логика, ведущая все общество к системным изменениям. В нескольких предшествующих работах автор вместе с Л. Г. Фишманом обосновал гипотезу о том, что сущностное основание капитализма — стремление большей части населения

к максимизации материального благосостояния путем *труда и инвестиций* — сегодня вытесняется и разрушается учащающимися рентными практиками [6]. Собственно говоря, культ самозабвенного труда и материального производства исторически не так стар, как может показаться на первый взгляд.

Во все предшествующие капитализму эпохи большая часть населения довольствовалась *достаточным*, т. е. соответствующим своему социальному статусу, уровнем потребления. Излишки материального производства изымались и перераспределялись в пользу привилегированных классов. Иными словами, в докапиталистическую эпоху власть господствующих сословий и каст обеспечивалась *распределением ренты*. Под рентой, в свою очередь, мы понимаем *незаработанные блага*, которые тот или иной индивид или группа имеют при наличии в их расположении природных богатств (их можно выгодно продать тем, кто в них особо сильно нуждается), а также ввиду преимуществ окружающей социальной структуры или, например, особых привилегий, обеспечиваемых государственным аппаратом принуждения (или факторами международной политики). Только в XVII—XVIII вв. в ряде европейских стран, а затем и в США на первый план выходит другой принцип, согласно которому богатство и могущество есть результат упорного *труда и рискованных инвестиций*. Как отмечал в свое время П. Лафарг, «капиталистическая мораль, жалкая копия христианской морали, поражает проклятием плоть рабочего, она ставит себе идеалом свести потребности производителя до последнего минимума, задушить в нем все чувства и все страсти и обречь его на роль машины, которая работала бы без отдыха и срока» [10. С. 3]. Однако старые рентные установки никуда не исчезали, а продолжали влиять на многие общественные процессы. В конце концов капитализм в самом простом понимании — это погоня за сверхприбылями в условиях рыночной экономики. Но погоня за сверхприбылями далеко не всегда гармонично сочетается с принципами свободной и равной конкуренции. Под капиталистической оболочкой культа труда и производства всегда скрывалось старое нутро борьбы за ренту.

Как мы показывали ранее [5], современное общество сталкивается с угрозой кризиса тех сущностных оснований, на которых покоился капитализм. Мы стоим перед перспективой возврата к «обществу ренты». Но, в отличие от предыдущих эпох (прежде всего рабовладельческого строя и феодализма), сегодня речь идет о *массовом* извлечении ренты. Стоит говорить о постепенном становлении *рентного общества*, в котором большинство населения в той или иной степени является получателями ренты.

Разумеется, мы не единственные, кто обратил внимание на этот процесс. В некоторых аспектах похожие картины рисует, например, современный марксизм, в котором особое значение придается концептуализации свободного от отчужденного труда общества. Идея безусловного основного дохода, по сути, являющаяся идеей массового распределения ренты, активно обсуждается сегодня в Европе (чего только стоят весьма неоднозначные проекты в Финляндии и Швейцарии [4]).

Почему «массовизация ренты»?

Становлению общества «массового распределения ренты» способствует ряд факторов.

1. Объективной предпосылкой становления рентного общества является нарастающий процесс *технологического замещения труда* (замещения живого человеческого труда работой автоматизированных и компьютеризированных машин). Сегодня об этом много пишет, например, Р. Коллинз [8]. Относительно недавно на Всемирном экономическом форуме в Давосе было отмечено, что в ближайшие пять лет роботы вытеснят 5 млн рабочих мест только в 15 странах с высокоразвитой экономикой [14]. Этот процесс заметен и в России: от «электронных кассиров» в «Макдональдсе» или торговой сети «Ашан» до технологий электронного правительства. Как пишет видный футуролог Дж. Рифкин, «в скором времени ожидается появление нового поколения роботов с такой же мобильностью, как и у людей, с эмоциональными проявлениями и когнитивными способностями, — роботов, которые будут отвечать на вопросы людей и выполнять их указания быстро и гибко» [13. С. 369]. Сегодня в состоянии неустойчивости, прежде всего, находятся работники сферы услуг — сотрудники колл-центров, рядовые консультанты и менеджеры. Ряд исследователей уже отмечают тенденцию к *прекаризации* — расширению социального слоя, представители которого вынуждены работать неполный рабочий день на непостоянной работе, не имея никаких социальных гарантий [17]. Поэтому стоит со скепсисом относиться к официальным данным по безработице: реальное состояние рынка труда они не отражают, ибо не учитывают долю тех, кто вынужден цепляться за любую работу, пусть даже низкооплачиваемую и нестабильную.

Данная ситуация приводит к социальной напряженности. Проблема безработицы будет только нарастать, ибо современный капитализм способствует интеллектуальной и духовно-нравственной деградации, а не развитию человеческого капитала, как никогда необходимого для расширения *экономики знаний*. Разумеется, можно допустить, что грядущая «зеленая революция» (или «третья промышленная революция»), как ее видит Дж. Рифкин, позволит восполнить дефицит рабочих мест. Но даже сам Рифкин приходит к выводу о том, что не каждый сможет пополнить ряды высокоинтеллектуальных специалистов. Остается, по его мнению, «только гражданское общество в качестве потенциальной сферы занятости» [13. С. 373]. Под гражданским обществом футуролог подразумевает «сектор, где люди создают социальный капитал и где представлен широкий диапазон участников — религиозные и культурологические организации, образовательные и исследовательские группы, оздоровительные группы, социальные службы, службы по организации отдыха и масса общественных организаций, целью которых является поддержание социальных связей» [13. С. 374].

Иными словами, перспектива выхода из тупика заключается в самих современных экономических тенденциях: к массовой безработице

приводит стремительный технологический прогресс, а значит — не за горами время изобилия. Соответственно, достаточно обеспечить всех *рентой*, т. е. государственным обеспечением в виде минимального набора материальных благ, чтобы в *чем-то* приблизиться к заветной мечте Маркса — обществу, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Именно *рентой*, ибо распределяемые в пользу представителей «гражданского общества» богатства «производятся» не самым многочисленным классом интеллектуальной элиты (салариатом по Г. Стэндингу).

2. Второй немаловажный фактор — *культурный*. В свете всей истории человечества капитализм с его культом труда и обогащения кажется выходящим из ряда вон исключением. В Древней Греции труд презирался свободными людьми. Это был удел рабов. Свободный человек должен был стремиться прежде всего к построению собственной *гармоничной личности*. Мало что изменилось в Средние века. Труд по-прежнему считался делом неблагородным (так сказать, недостойным чести рыцаря). Католическая доктрина видела в труде своего рода наказание за первородный грех. В. Зомбарт и вовсе пишет: «...крестьянин и ремесленник в своей нормальной хозяйственной деятельности искали себе пропитание и ничего больше», что выражалось в «медленном темпе хозяйственной деятельности. Прежде всего и главным образом люди стремились держаться как можно дальше от нее. Когда только можно “прогулять” день — его “прогуливают”» [7. С. 40—43].

Только в Новое время постепенно расцветает «религия труда». В. Зомбарт пишет о становлении «духа капитализма», под которым он подразумевает совокупность установок и норм — таких, как страсть к наживе, бережливость, расчетливость. Прототипом «капиталистического человека» у Зомбарта выступают авантюрист, морской разбойник и купец крупного масштаба. В какой-то мере, по его мнению, развитию данных установок способствовали изменения в католической этике. Он рассматривает философскую доктрину Фомы Аквинского (томистская схоластика) и видит в ней зачатки рационализации жизни [7. С. 296], что выразится затем в подавлении эротических влечений и борьбе с праздностью. Еще сильнее подобные тенденции проявятся в этике протестантизма, о чем писал М. Вебер в своей знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» [2]. Именно в протестантской этике в конце концов закрепится мысль о том, что богатство — это свидетельство богоизбранности, награда за усердный труд и риск.

Конечно, не стоит забывать и о совокупности объективных предпосылок «религии труда», среди которых выделяется промышленный переворот в Англии XVIII в. Именно стремительный скачок в научно-техническом развитии позволил большей части населения Европы, а затем и США почувствовать взаимосвязь между трудовыми усилиями и реальным улучшением качества жизни. Как отмечал в свое время П. Лафарг, «по мере того, как вследствие усовершенствования машины возрастает скорость и точность ее работы, по мере того, как совершенствуется машина и все более развивающейся скоростью и точностью своей работы

вытесняет человеческий труд, рабочий, вместо того чтобы настолько же увеличить свой досуг, удваивает усердие, словно он хочет соперничать с машиной» [10. С. 15].

Однако было бы наивным полагать, что «религия труда» — это «раз и навсегда». Одна из основных ошибок современных экономистов заключается в сведении категории «улучшение уровня жизни» к категории «рост ВВП», хотя на самом деле они принципиально различны. Рост ВВП означает, что создается больше ценностей и благ, призванных избавлять от *нужды*. Ради этого люди продают свою рабочую силу. Труд же создает стоимость, которая в свою очередь и есть производная от нужды и рабочего времени (замкнутый круг). Маркс, ратовавший за максимальную свободу от отчужденного труда, скорее бы *противопоставил* данный «*порочный круг*» ситуации фундаментальной свободы.

Хотя сегодня некоторые исследователи продолжают утверждать, что «религия труда» никуда не делась в развитых странах [15], существует ряд объективных тенденций, которые размывают сами основы общества «повсеместной погони за наживой». М. Саллинз в своей книге «Экономика каменного века», посвященной жизни кочевых охотников и собирателей-аборигенов, рассматривает общество изобилия и возможные пути к нему. Он замечает, что труд может быть как средством достижения такого общества, так и *препятствием*: «Потребности можно “легко удовлетворять”, либо много производя, либо немного желая. Распространенные концепции в духе Гэлбрейта склонны к утверждениям, особенно подходящим для рыночных экономик: потребности человека велики, если не сказать беспредельны, в то время как средства их удовлетворения ограничены, хотя и поддаются усовершенствованию, поэтому разрыв между средствами и целями может быть сокращен повышением продуктивности по крайней мере настолько, чтобы “насущные товары” имелись в изобилии».

Но существует и иной путь к изобилию — путь, указываемый дзен-буддизмом. В основе его лежат предпосылки, весьма отличные от наших: материальные потребности человека ограничены и немногочисленны, и технические средства для их удовлетворения не изменяются, но в целом они вполне достаточны. Приняв стратегию дзен-буддизма, люди могут наслаждаться не имеющим аналогов изобилием при низком уровне жизни» [15. С. 48].

Именно сегодня в развитых странах появилась объективная предпосылка изменения ключевых ориентиров и жизненных стратегий: жизнь может быть гораздо интереснее и беззаботнее, если *меньше работать*. Именно на последние десятилетия приходится появление и распространение таких терминов, как *даунишифтинг* (уход от борьбы за продвижение по социальной лестнице ради скромной, но комфортной и беззаботной жизни) или *кидалтизм* (психотип «взрослого ребенка», свойственный, как правило, поколению миллениума, представители которого рождены на рубеже веков).

Благосостояние среднего американца в денежном выражении не изменилось за последние 30 лет. Как отмечает Дж. Стиглиц, «история Америки

вкратце такова: богатые богатеют, самые богатые богатеют еще больше, а средний класс выхолащивается, так как его доходы либо уменьшаются, либо остаются неизменными, так что пропасть между ним и богатейшей верхушкой становится еще глубже» [16. С. 66]. Разумеется, Маркс современен. Ситуация, когда глобальная экономическая элита стремительно обогащается, а большинство остается в состоянии «стационарной нищеты», описана Марксом как относительное и абсолютное обнищание пролетариата [11]. Однако на данную ситуацию можно посмотреть иначе, т. к. класс наемных работников извлекает сегодня особую форму ренты: при постоянных трудозатратах и денежном вознаграждении его благосостояние постепенно улучшается благодаря научно-техническому прогрессу. Рента в таком случае — это часть интеллектуального прибавочного продукта, который трудно измерить в денежном выражении, но который может распределяться на все население. Иными словами, за те же 30 лет жизнь простого наемного трудящегося стала удобнее и комфортнее, т. к. были изобретены и превращены в товары массового потребления новые автомобили, бытовая техника, лекарства или продвинутые гаджеты. Ежегодно на рынке появляются дешевеющие товары, призванные расширять пространство беззаботного досуга.

Может быть, неспроста сегодня многие авторы говорят о наступлении эпохи «нулевого роста». Как пишет А. Кустарев, условия для радикального ускорения экономического роста «появились в раннем европейском модерне и продолжали существовать с разными коррективами вплоть до конца XX века. Имущие слои создали к этому времени высокую потребительскую культуру. Гедонистическая эмансипация личности разогрела потребительские амбиции плебейства, пытавшегося угнаться за аристократией. Одновременно падение смертности с середины XIX века привело к демографическому взрыву. В результате потребительский рынок трансформировался качественно и расширился количественно». Однако сегодня «потребление и производство смещаются в сторону благ, которые мы не понимаем, как включить в ВВП — либо не умея их оценивать в денежном эквиваленте, либо игнорируя их в силу культурно-ценностной ориентации» [9].

Насколько вышеописанный тренд масштабен, покажет время. Но в истории есть немало примеров, когда «дух капитализма» постепенно угасал, превращаясь в «дух обыденности» или «дух рантье». В. Зомбарт приводит в пример Флоренцию, являвшуюся одним из первых очагов «духа капитализма» в XVI в.: «...этому капиталистическому великолепию наступает... довольно быстрый конец». И продолжает далее: «мы совершенно ясно можем проследить, как в Южной Италии уже с конца XV столетия, а в остальных частях страны с XVI столетия радость от наживы и деловое трудолюбие уступают место спокойному полусеньориальному, полурантьерскому образу жизни» [7. С. 177].

3. Наконец, повсеместная «рентизация» наиболее отчетливо видна, если учесть природу современного капитализма. Капитализм, конечно, исторически явил себя в противопоставлении обществу ренты (борьба буржуазии против привилегий феодалов в XVII—XIX вв.). Однако «гене-

тически» погоня за прибылью очень близка погоне за рентой. В этом всегда есть риск «мутаций», перехода из стремления к наживе и инновациям к охране монопольного господства. Именно об этом предостерегал Й. Шумпетер, говоря о возможном упадке культуры «созидательного разрушения» [19].

Мы бы не торопились называть неолиберальную экономику апогеем капитализма. Современный Запад — это скорее общество, в котором отмирает «дух» капитализма. Впору говорить о становлении *общества рантье* — откате в эпоху, когда власть и богатство обуславливались наследственными привилегиями. Как отмечает А. Вебер, сегодня «богатство все больше концентрируется в одних руках и в основном передается по наследству, а не приобретается трудом или заслугами. Сверхвысокие доходы — это, как правило, доходы от собственности (рентные доходы, дивиденды, монопольная прибыль, банковский процент, биржевые спекуляции и т. п.). В этом случае уместно говорить о “незаработанных” (unearned) доходах, источником которых является непродуцируемый капитал» [1].

Сюда же можно добавить ряд других факторов, о которых написано уже немало: рентное состояние российской экономики (и других «сырьевых» экономик), перевод производства в страны «третьего мира» (иллюзорное «постиндустриальное общество»), зависимость многих стран от американских кредитов, доллара и решений ФРС и т. п.

Перспективы: от оптимизма к оптимизму через пессимизм

Разные исследователи реагируют на описанные тенденции по-разному. Кто-то с оптимизмом смотрит в будущее, полагая, что проблемы сопровождаются возможностями. Действительно, если существует перспектива технологического замещения труда, то только постольку, поскольку стало возможным производить огромную часть материальных благ без участия человека. Разве не это есть самая главная предпосылка коммунистического общества, избавленного от *нужды* и *отчужденного труда*? Но это только то, что располагается на поверхности. Как минимум, сценарий коммунистических преобразований подразумевает *политическую освободительную борьбу*. Один из возможных сценариев рассматривает А. Горц, по мнению которого современный *когнитивный капитализм* (капитализм производства знаний) уже содержит в себе сущностное противоречие: производство знания никак не укладывается в узкие рамки товарно-денежных отношений и накопления капитала. Знание *очень легко обобществляется* (за что борются, например, «пиратские» партии). От коммунизма современную экономику знаний отличает только одно: люди бедствуют и потому вынуждены продавать результаты своего творческого труда, а вместе с тем и произведенное им знание, которое становится монопольным достоянием держателей патентов. Соответственно, коммунистическое общество можно было бы обустроить путем обеспечения каждого всеми необходимыми сред-

ствами к существованию (*безусловным доходом*) и, что самое важное, к *творчеству* [3].

Здесь, правда, возникает ряд вопросов.

1. Допустимо ли такое коммунистическое общество при одновременной эксплуатации наемных рабочих в странах третьего мира? Если нет, то не подразумевает ли переход к коммунизму одновременно не только осуществление глобальной революции, затрагивающей все мировое сообщество, но еще и радикальное духовное преобразование человека, заключающееся в добровольном отказе от некоторых привычных жизненных благ ради нравственной чистоты, свободы и творчества и т. д.?

2. Если очерченное выше осуществить слишком сложно, то можно ли помыслить некий *переходный период*, осуществляемый последовательно и поэтапно? Если мы его допускаем, то каков он должен быть? Должна ли идти речь о постепенном *вытеснении* капиталистических отношений (как это было, например, при постепенном *вытеснении* феодальных отношений капиталистическими), или это бесполезно, и результата можно добиться только при радикальной перестройке общества, экспроприации всех богатств в пользу трудящихся и т. п. (как это было после Октябрьской революции)?

3. Какова должна быть *сумма* безусловного дохода? Должно ли этого дохода хватать на поддержание жизни, или он должен быть также *средством производства* (средством творческого самовыражения)? Если мы выбираем последнее, хватит ли существующих средств (в абсолютном выражении всех производимых благ) на обеспечение каждого всем, необходимым ему для полноценного развития?

И самый главный вопрос возникает при оценке жизнеспособности капитализма (как некоего статус-кво). Казалось бы, рентное общество разъедает капитализм изнутри. Однако рентные принципы могут сыграть на руку тем, кто желает остаться на вершине социальной и политической лестницы как можно дольше. Да, сегодня общество сталкивается с пределами накопления капитала. Относительная прибавочная стоимость уже не так легко присваивается, скажем, в Китае, где из года в год растет минимальная заработная плата. С другой стороны, обостряется обстановка на политической арене в развитых странах, где *прекариатизация* и *технологическое замещение труда* приводят к увеличению относительной прибавочной стоимости (за счет удешевления «воспроизводства» класса наемных рабочих), но одновременно сталкивается с проблемами наращивания абсолютной прибавочной стоимости (ибо огромное количество сотрудников в разных областях попросту сокращаются и будут сокращаться еще быстрее)¹. Однако одна часть «духа капитализма» все же сохраняется и, напротив, накапливает свою силу. Эта сторона связана с всеобщим *отчуждением*.

¹ Хотя и здесь есть свои исключения. Например, в некоторых местах основной формой работы становится работа *проектного типа*, дом превращается в рабочее место, а *все время жизни человека превращается в рабочее время*, т. е. вырастают эксплуатация прибавочного труда и *абсолютная* прибавочная стоимость.

Маркс, характеризуя феномен *отчуждения*, писал следующее: «Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому, чем больше этот продукт, тем меньше он сам. *Самоотчуждение* рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает внешнее существование, но еще и то значение, что его труд существует вне его, независимо от него, как нечто чуждое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая» [12. С. 325].

Сегодня принято считать, что отчужденный труд рабочих производит то, что одновременно их поработает: всеобщая коммодификация искажает подлинную сущность человеческих взаимоотношений, создавая ложные приоритеты и установки, погружая сознания людей в мир симулякров и симуляций (у Маркса — *товарный фетишизм*). В этом смысле капитал сегодня силен как никогда. И у него есть множество способов направить описанные выше процессы в выгодное для себя русло.

Сегодня принято считать, что отчужденный труд рабочих производит то, что одновременно их поработает: всеобщая коммодификация искажает подлинную сущность человеческих взаимоотношений, создавая ложные приоритеты и установки, погружая сознания людей в мир симулякров и симуляций.

Капиталист может:

— воспользоваться идеей *безусловного дохода*: прикрываясь популистскими псевдоловыми заявлениями о социальных гарантиях для прекариата, обезопасить себя, создав прослойку тех, кто ограничивается *существованием*, а не творчеством. Иными словами, представить неолиберальный проект, подразумевающий сокращение всех имеющихся льгот под прикрытием введения выплаты всем без исключения гражданам минимального дохода. Этот доход можно установить в таком объеме, чтобы хватало на физическое существование, но никак не на творческий труд как преобразовательскую деятельность, которая, по Марксу, только и может прогрессивно изменить сознание людей [4];

— создавать иллюзию прогресса и процветания (посредством распределения ренты с научно-технического прогресса) при состоянии «стационарной нищеты». Сами же «реформаторы рентного общества»

при этом смогут продолжить богатеть, увеличивая тем самым разрыв между собой и бедными как внутри стран, так и между ними;

— продолжать формировать потребительские установки, сводя жизненные приоритеты, правда, уже не столько к максимуму труда, сколько к максимуму наслаждений (т. е. осуществлению мечты о беззаботной жизни, желательной в одиночку). Тем самым в «утиль истории» отправляется большая часть «лишних людей».

В конце концов, рентное общество в чистом виде (как воплощенная идея) — это минимальное число тех, кто эксплуатирует небольшую прослойку трудящихся, и все остальные (коих подавляющее большинство) — живущие на минимальную ренту ненужные, но опасные «лишние люди», опасность которых стоит всеми имеющимися средствами нивелировать. Конечно, в таком виде рентное общество предстает чем-то крайне *нежелательным*.

Тем не менее мы бы хотели рассмотреть в рентном обществе более реальный *переходный период* на пути к следующей стадии общественно-экономического развития, нежели то, что нам предлагают классический и современный марксизм. Как известно, в своих поздних работах Маркс видел именно в пролетарии движущую социальную силу будущего коммунистического общества. Преодолевая самоотчужденность, пролетарий тем самым преодолевает и всю капиталистическую «надстройку» (попутно уничтожая свое собственное господство как класса). Однако такой сценарий кажется из ряда вон выходящим на фоне всех предшествующих «формационных сдвигов». Господин и раб появились как самостоятельные противоборствующие социальные сущности уже в рамках разлагающегося первобытнообщинного строя. Господину не нужно было уничтожать общину, чтобы начать сосредотачивать в своих руках богатство и власть. Феодалная общественная система складывалась отнюдь не в результате «революции рабов». Она явилась закономерным результатом разложения дряхлеющей Римской империи, которой перекрыли все возможности пополнения свежей «рабской силы». Точно таким же образом никто не называет Английскую революцию и Великую французскую революцию крестьянскими (хотя сыгравшее на руку буржуазии участие крестьян там никто не отрицает). Капитализм самостоятельно зародился со всеми своими внутренними противоречиями *внутри старой системы* и принялся разъедать ее изнутри.

В итоге мы видим, что в некоторые периоды в обществе наблюдаются как внутрисистемные противоречия, так и *межсистемные*. В период становления капитализма, например, крестьянин борется против феодала, но одновременно он также борется за новый статус в качестве пролетария, который может ему обеспечить только буржуа. Что самое важное — именно *межсистемный* конфликт оказывается решающим. *Но для этого нужно, чтобы новая зарождающаяся система уже оформилась в своем зачатке вместе со всеми своими внутренними противоречиями*. Быть может, рентное общество и есть наблюдаемое зарождение чего-то принципиально отличного как от капитализма, так и от коммунистического общества?

На наш взгляд, рентное общество вынашивает внутри себя противоречие, в рамках которого могут оформиться *новые противоборствующие классы*.

В период становления капитализма именно буржуа является движущей социально-политической силой, т. к. ему принадлежит инициатива по социальному преобразованию. Буржуа, образно говоря, является отрицанием пролетария. Но без пролетария невозможно представить себе не только существование самого капиталиста, но и всей капиталистической системы. Рентное же общество порождает *отрицание обыденности*. Как бы то ни было, капитализм может оставаться на плаву до тех пор, пока мертва *личность*. Капитализм умело способен вытеснять личность, делать из пролетария «придаток машины». Он также умело подчинил человека брендам и маркам, создал невиданный прежде культ потребления. Капитализм существует лишь постольку, поскольку принцип обладания берет верх над принципом бытия [18]. Но будет ли так всегда? Быть может, стоит говорить о грядущей революции личности вместо революции пролетариата?

Здесь нам могут возразить, что Маркс писал о том же: о том, что коммунистическое общество есть общество, в котором свободное (личностное) развитие каждого является условием свободного развития всех. Однако такое состояние у Маркса достигается уже *после* снятия всякого отчуждения. Личность у Маркса (в идеале) лишена своей сущностной противоположности. Она есть в большей степени продукт свершившейся пролетарской революции, символизирующей начало подлинной истории. Личность в теории Маркса существует уже в бесконфликтном бесклассовом обществе.

Мы же предлагаем задаться следующим вопросом: не может ли обстоять все с точностью до наоборот? Что если сознание пролетариата вовсе не несет в себе никаких новых сущностных сил? Тогда, напротив, именно личность (как нечто первичное) *является частью будущего мира*, движущей силой новых социальных и политических преобразований. Но термин «личность» здесь полагается нами уже в несколько другом смысле — как *нечто определяемое через свое отрицание — не-личность*.

В таком случае рентное общество — это не столько тупик, сколько необходимое пространство, богатая «питательная среда» для процветания тех, кому важно не существование (как «прожигание жизни»), а подлинное *бытие* в качестве общественного существа. Рентное общество есть то, на фоне чего личность себя чувствует как нельзя лучше, т. е. то, *без чего она не может существовать (как то, что она должна постоянно отрицать)*. Но если так, то можно усомниться в том, что становление личности как объединяющей идеи нового движущего класса через отрицание не-личности ведет к коммунизму. В рентном обществе мы видим еще одну сущностную черту будущего классового (внутрисистемного или *внутриформационного*) противоречия: личность являет себя как *отличие* от не-личности (как нечто яркое, выдающееся, запоминающееся и т. п.). Возможно ли сделать так, чтобы личностью в таком смысле слова был каждый?

Литература

1. Вебер А. Справедливость и социальное развитие // Свободная Мысль. 2015. № 5.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000297/index.shtml> (дата обращения: 23.05.2016).
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
4. Давыдов Д. А. Безусловный доход: от «левых» ожиданий к «правому» воплощению // Свободная Мысль. 2016. № 2.
5. Давыдов Д. А., Фишман Л. Г. Грядущее рентное общество // Свободная Мысль. 2015. № 5.
6. Давыдов Д. А., Фишман Л. Г. От капитализма к рентному обществу? // Полития. 2015. № 1.
7. Зомбарт В. Буржуа. К истории духовного развития современного экономического человека. СПб. : Владимир Даль, 2005.
8. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1.
9. Кустарев А. Конец света, или La Vita Nova // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. — <http://www.nlobooks.ru/node/6475> (дата обращения: 23.05.2016).
10. Лафарг П. Право на лень. Религия труда. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.
11. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат, 1960. Т. 23.
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М. : Академический проект, 2010.
13. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М. : Альпина нон-фикшн, 2014.
14. Роботы заменят людей на рабочих местах. — <http://h-t-n.ru/news/mashinostroyeniye/185-roboty-zamenyat-lyudey-na-rabochih-mestah.html> (дата обращения: 23.05.2016).
15. Сидорина Т. Ю. Цивилизация труда. Заметки социального теоретика. СПб. : Алетейя, 2014.
16. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М. : Эксмо, 2015.
17. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем, 2014.
18. Фромм Э. Иметь или быть? М. : АСТ, 2000.
19. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995. ◆